

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ТРОФЕЙ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Трофей из преисподней

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Трофей из преисподней / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2026 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-247103-2

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». 1942 год. Оперативная группа майора Максима Шелестова получает приказ найти на оккупированной немцами территории неподалеку от Сталинграда ученого-геолога Аристарха Витольда. За ним охотятся немцы, чтобы получить сведения о пустотах, образовавшихся под городом после выработки гипсовых отложений. Фашисты рассчитывают выйти по ним в тыл советским войскам и ударить в спину. В пекле страшных боев под Сталинградом найти человека – задача практически невыполнимая. Но оперативникам все-таки удастся напасть на след ученого. Однако, чтобы доставить его в штаб живым и невредимым, придется пройти не один круг ада... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». – С. Кремлев Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247103-2

© Тамоников А. А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Тамоников Трофей из преисподней

Серия «Спецназ Берии. Герои секретной войны»

© Тамоников А. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

В конце июля 1942 года северный фланг Южного фронта Красной армии был разгромлен. Попытка восстановить его путем контрудара бывшей ранее в резерве фронта 24-й армии с юга на Миллерово не удалась. Советские дивизии на подходе к Миллерово попали под удар основных сил немецкой 1-й танковой армии и понесли большие потери. В итоге немецкие войска вырвались на оперативный простор. Знойное летнее солнце стояло в зените, выжигая остатки травы и чахлого кустарника. Степь плыла перед глазами солдат, наполняя воздух густым, пыльным маревом. По изрытой колесами дороге, больше похожей на растянувшийся на километры участок пыльной целины, медленно двигалась колонна. Грузовики, запряженные лошадьми повозки с ранеными, усталые, запыленные пехотинцы – все это слилось в один нескончаемый, измученный поток. Стоял гул моторов, приглушенные команды, скрип телег.

Группа майора Шелестова на выделенной ей полуторке влилась в колонну, надеясь, что дивизия, заняв позиции, свяжется со штабом армии и тогда оперативники будут знать, где его искать. В штабе 24-й армии имелась для особой оперативной группы Главного управления НКВД СССР срочная и важная информация. Но в создавшейся сложной ситуации никто не мог точно сказать, где искать штаб армии. Шелестов высунул голову из кабины грузовика и, придерживая фуражку, посмотрел на трех верховых, проскакавших в голову колонны. Это были разведчики артполка, и они очень спешили. Это было видно по тому, как бойцы нещадно нахлестывали своих лошадей.

– Что-то случилось! – крикнул из кузова Буторин.

Договорить Виктор не успел. Оперативники замолчали, прислушиваясь к какому-то далекому, нарастающему гулу. Не прошло и минуты, как воздух заполнил рокот авиационных моторов. Из-за холмов на западе появились самолеты. Они шли строгим строем, звеньями. «Юнкерсы»! А выше них под облаками, порой обгоняя бомбардировщики, пронеслись немецкие истребители.

– Воздух! – пронеслась команда по колонне, повторяемая командирами подразделений.

Бойцы оставляли автомашины, гужевые повозки сворачивали с дороги и уходили в степь, чтобы рассредоточиться и не попасть всем скопом под вражеские бомбы. Со скрипом стали поворачиваться турели зенитных пулеметов в кузовах грузовиков. Водитель полуторки Чекмаев свернул с дороги, оперативники прыгали из кузова на выжженную солнцем траву, а Шелестов торопил водителя:

– От машины, сержант, дальше! В степь!

А дальше все смешалось в хаосе. Сначала посыпались фугасные бомбы, вздымая в небо султаны земли и дыма, разметывая технику и людей. Вражеские самолеты встали в круг и, пикируя почти вертикально, обрушили на колонну свой смертоносный груз. Сплошная стена огня и черного дыма встала на дороге. Буторин что-то крикнул, указывая на небо, прежде чем они упали в канаву в стороне от дороги. Под облаками пронеслись «яки» со звездами на крыльях и сцепились с немецкими истребителями. Но советских машин было слишком мало, чтобы прорваться к бомбардировщикам. К вою моторов и свисту бомб, переполнявших воздух, добавились звуки пулеметных очередей – небо прошивали очереди трассирующих пуль. Видно было, как один за другим, прошитые очередями, валились на бок, теряя высоту, самолеты, которые, оставляя черный шлейф дыма, устремлялись к земле. Они врезались в выжженную степь, добавляя огня, грохота и дыма. Советские летчики сражались отчаянно – они сумели сбить несколько вражеских истребителей. Пара «яков» прорвалась к «карусели» немецких бомбардировщиков и с ходу атаковала их. Даже сквозь страшный грохот разрывов и рев моторов было слышно ликование советских солдат. Один, второй... уже три бомбардировщика задымили и стали падать.

– Танки слева! – еле слышали оперативники команду.

Советские солдаты бросились к орудиям. Большая часть лошадей была убита, с другими обезумевшими от бомбежки животными артиллеристы едва справлялись. Они заставляли их отъехать от дороги, разворачивали орудия, занимая позиции прямо в чистом поле. Пехотинцы ложились между орудиями и начинали малыми пехотными лопатами ковырять белую пыльную землю, чтобы вырыть для себя стрелковую ячейку. Тем не менее во всем этом, казалось бы, огненном хаосе почувствовался порядок, выучка и твердая рука командиров. Понесенные потери никак не могли повлиять на людей, которые второй год сражались с врагом, напавшим на их Родину.

И вот к грохоту взрывов и пулеметной трескотне добавился новый, нарастающий гул – низкий, грозный и идущий откуда-то из-за линии холмов на горизонте. Это был ровный, металлический рокот танковых моторов. Воздух очистился от самолетов, «юнкерсы» повернули на запад, прекратив бомбежку, чтобы не попасть по своим. Опытные командиры отдавали приказы. Началась лихорадочная, почти невероятная в этом хаосе организация обороны. Пехотинцы зарывались в землю, насколько это было возможно, пулеметные расчеты катили станковые пулеметы на фланги. За их спинами в сотне метров полковая артиллерия ошетилилась стволами фактически в чистом поле. Любая форма рельефа, пусть даже еле заметная, использовалась для оборудования позиций пулеметчиков, бронбойщиков. Оперативники приготовили автоматы и залегли на краю овражка, больше похожего на весеннюю промоину у дороги. Двухметровая глубина, которая до этого казалась непроходимым препятствием для автомашин, теперь ощущалась какой-то маленькой ямкой, которая не может укрыть человека, а гусеницы вражеских танков ее даже не заметят. Люди лежали и напряженно смотрели туда, где вдруг из-за холмов стали выползать темные точки приближающихся, обретающих зловещие формы танков с крестами на бортах.

Шелестов оглянулся на артиллеристов. Расчеты в поте лица пытались углубить и хоть немного замаскировать позиции своих орудий. Взлетали кирки, работали лопаты, и постепенно перед каждым противотанковым орудием вырастал хоть небольшой, но бруствер из земли и мелкого камня. Его маскировали сухим кустарником. Над позициями раздался приказ: «Без команды не стрелять!» Никто не слышал звука выстрела, а в воздухе уже прошелестел первый снаряд. Он разорвался, не долетев метров пятьдесят до дороги, едва не угодив в пустой грузовик. Оперативники повернулись в сторону врага и увидели, что танки открыли беглый огонь по советским позициям. Они били без остановки, почти не целясь, и только сизые всполохи возле стволов танковых пушек подсказывали, какая машина произвела выстрел. Снаряды накрыли степь перед дорогой. То тут, то там взлетали комья сухой земли, вспучивались клубы дыма, со свистом разлетались осколки. Послышались первые крики: «Санитара сюда!»

– Разобьют они колонну! – крикнул Шелестову Буторин, сдвинув фуражку за затылок и вытирая потный лоб. – В чистом поле ведь накрыли – зацепиться не за что.

– Если это прорыв немецких танковых частей в наш тыл, – спокойно заметил Сосновский, – то командование уже об этом знает и прорыв постараются своевременно закрыть, перебросив сюда подкрепление. Просто дивизии нужно продержаться какое-то время.

Шелестов посмотрел на спокойного, как всегда выдержанного Михаила, на сосредоточенного Виктора Буторина, а потом перевел взгляд на Когана. Вот что значит обстоятельность бывшего следователя особого отдела НКВД. Во всем у него порядок. И пока мы ждем приближения немецких танков, он аккуратно укладывает брезентовый подсумок с полными дисками к ППШ, проверяет свой пистолет. Достает из вещмешка две запасные обоймы к пистолету и рассовывает их по нагрудным карманам гимнастерки, чтобы далеко не лезть, когда кончатся патроны у автомата. Обстоятельный человек, для которого нет мелочей. Ну что же, ребята, придется и нам продержаться вместе с бойцами дивизии здесь, защищая этот клочок выгоревшей, высушенной солнцем степи и этот кусок изрытой гусеницами дороги. Но не важно, что

здесь нет стратегически важных объектов, каких-то населенных пунктов. Это все равно наша земля, это кусочек нашей Родины, и мы будем защищать его, как и любой другой участок своей земли. Как пограничники 22 июня 41-го до последнего защищали каждый отрезок своей границы, свой кусочек Родины.

Неподалеку заняли позицию бронейщики со своим мощным ружьем, левее наделал каски расчет ручного пулемета, раскладывая в вырытой нише полные пулеметные диски. Танки шли на полной скорости, поднимая столбы пыли. Ровная местность, и поэтому фашистские бронированные машины пытались быстрее сократить расстояние до советских позиций. Держась на небольшом расстоянии за танками, сзади показались бронетранспортеры и грузовики. Значит, сейчас они будут высаживать пехоту. Хорошо знакомая тактика – атаковать, надежно прикрываясь танковой броней, а потом, когда танки из пушек и пулеметов подавят все огневые точки обороняющихся, пехота вырвется вперед и ринется в окопы.

– Километр, – монотонно констатировал Сосновский, глядя на вражеские танки в бинокль с дальномером. – Однако у артиллеристов выдержка!

– Они рассчитывают начать стрелять на постоянном прицеле, – пояснил Буторин, – чтобы по мере приближения танков не крутить все время верньеры.

– Логично, – так же бесстрастно ответил Сосновский. – Девятьсот... Восемьсот метров.

– Огонь! – раздалась команда, и почти сразу же одно за другим противотанковые орудия открыли огонь.

Оперативники жадно смотрели на степь перед собой. Черные разрывы стали вырастать между танками, и казалось, ничто не может остановить эту стальную армаду. Но нет: вот один из снарядов нашел свою цель, вот второй, третий! Два танка в передней линии остановились и начали дымить. Вот еще одно попадание, и у немецкого танка во второй линии сорвало башню, и та, отлетев на несколько метров, рухнула на землю, подняв столб пыли. Вот еще два танка с сорванными снарядами гусеницами закупились на месте, и другим пришлось объезжать поврежденных собратьев.

В степи горели уже несколько танков, но остальные, резко сбавив скорость, стали бить прицельно, по выявленным огневым точкам и позициям артиллеристов. Вражеские снаряды стали рваться среди пехотной цепи, где на прямой наводке стояли «сорокапятки», снаряды рвались среди наспех вырытых огневых позиций 76-миллиметровых дивизионных противотанковых орудий. Пехота тем временем под непрерывающимся огнем продолжала окапываться. Но копать сухую, твердую как камень землю было почти невозможно. Ямы получались мелкими, больше похожими на неглубокие могилы. Одно за другим выходили из строя орудия. Вот уже три «сорокапятки» валялись вверх колесами на краю дымящихся воронок, вот снаряд разнес позицию 76-миллиметрового орудия. Обгоняя танки, вырвались вперед бронетранспортеры, поливая пулеметным огнем позиции пехоты. Немецкие грузовики остановились, и на землю стали прыгать пехотинцы. Заговорили советские пулеметы, но фашисты уже выстроились в нестройную цепь и побежали вперед. Танки снова пошли в атаку, продолжая вести огонь из пушек и пулеметов. Но несколько удачно выпущенных снарядов остудили их пыл, заставив снова сбавить скорость. Шелестов хорошо видел, что происходит впереди. Сейчас немецкая пехота прорвется к передовым стрелковым ячейкам, подавит огонь пулеметных гнезд, и танки снова рванутся вперед, утюжа гусеницами советские позиции.

Мимо оперативников санитар тащил, что есть силы упираясь ногами в пыльную горячую землю, окровавленное тело лейтенанта. Пехотинцы оглядывались на раненого командира. Шелестов ругнулся и, поднявшись над стрелковыми ячейками так, чтобы его было видно всем, его майорские «шпалы» на петлицах, закричал:

– Не спать! Куда оглядываетесь? Там Волга, там Сталинград за нашими спинами! Огонь по пехоте! Отсекать пехоту от танков!

Буторин едва успел дернуть командира за ремень и повалить на землю. В воздухе над головой запели пули, по краю оврага запрыгали пыльные фонтанчики. Первая волна немецкой пехоты, прижимаясь к броне, была отбита шквальным огнем. Но это была лишь прелюдия. Из-за дыма снова вырвались вражеские танки с крестами на бортах. Стальные чудовища были все ближе. Громко били противотанковые ружья, кто-то из пехотинцев пополз вперед со связками гранат навстречу танкам. Их гул заглушал все, даже стук собственного сердца. Земля содрогалась.

– Противотанковое ружье! – крикнул Буторин и указал на убитого молоденького красноармейца в десятке метров впереди и слева, чьи пальцы так и не разжались на прикладе ПТР.

Шелестов не видел, как Виктор пополз в сторону позиции убитых бронебойщиков, как он вскочил и одним броском преодолел расстояние, упал и перекатился в сторону. Пулеметная очередь стегнула по земле всего в нескольких метрах от Буторина, но он уже добрался до позиции. Схватив тяжелое, неуклюжее ружье, он припал к земле. Глаза заливало потом, и Виктор рукавом гимнастерки вытер лицо. Он высматривал уязвимое место у стального зверя. Первый выстрел. Резкий, сильный удар в плечо. Буторин не промахнулся. В боку ближайшего танка, там, где располагался моторный отсек, вспыхнуло яркое пламя, затем черный дым. Экипаж начал поспешно выбираться из люков, но танкистов срезали стрелки. Второй патрон. Буторин вдруг осознал, что танки вокруг, что он уже стреляет не в лоб, а в боковую броню. Прорвались фашисты на пехотные позиции, прорвались! Второй выстрел не дал результата. Еще один патрон, выстрел! И еще один танк остановился, и из его башни повалил едкий серый дым.

Патроны, где еще патроны? Буторин обшаривал окопчик, дернул за ляжку солдатский вещмешок, и тот лязгнул металлическим звуком. Вот они где! Неожиданно совсем рядом появился немецкий танк, с ревом развернулся на месте, и вот под его гусеницами оказался станковый пулемет. Фашистский танк пер и пер по окопчикам, давил пулеметное гнездо, давил тела, живые и мертвые. Казалось, ничто не остановит эту громадину. Откуда-то появился Коган без фуражки. В его руках была связка гранат. Бросок, и связка ударилась, покатила по вентиляционной решетке двигателя позади башни. Коган упал, и тут же раздался страшный взрыв, огненные языки вырвались из танкового мотора, превращая грозную машину в огненный смерч. Буторин подполз к товарищу, Коган не мог подняться, он только тряс головой и что-то мычал. Буторин подхватил его под руку и поволок назад к оврагу.

Теперь было хорошо видно, что немцы обходили их. Два танка выскочили на дорогу и понеслись, давя полуторки, конные повозки, мотоциклы. Шелестов и Сосновский лежали рядом и били из автоматов прямо перед собой, направо и налево, где в дыму видели серые ненавистные мундиры вражеских солдат. Михаил вдруг бросил автомат с опустевшим диском и кинулся куда-то в сторону. Шелестов стал прикрывать его, отползая следом. К счастью, Сосновский вовремя увидел, как по склону сполз боец с окровавленной головой, как упал рядом с ним ручной пулемет. Он схватил «дегтярь» и тут же развернулся всем телом вправо. По оврагу бежали несколько гитлеровцев, и Сосновский встретил их огнем, стреляя практически в упор. Он успел свалить четверых вражеских солдат, прежде чем замолчал пулемет в его руках, через тела товарищей перепрыгнул здоровенный немец. Плоский штык на его винтовке блеснул на солнце, но Сосновский успел отшатнуться в сторону, ударом ствола пулемета отвести от себя штык, и они с немцем, сцепившись, покатались по сухой колючей траве.

Немец вдруг ослабил хватку, и Сосновский отпихнул фашиста. Рядом стоял Шелестов с пистолетом в руке и кричал что-то, указывая назад, на дорогу. В грохоте боя, лязге гусениц было не разобрать слов. Небо почернело от дыма разрывов. Сосновский стер с лица кровь и повернулся, решив, что все плохо, что они окружены, что танки зашли с тыла. Но к дороге через степь неслись «тридцатьчетверки», много «тридцатьчетверок»! Они стреляли и разворачивались атакующим фронтом. Перед ними были только горящие танки с крестами, только трупы вражеских солдат. И только теперь оперативники услышали, что над степью раздался

гул, который стал нарастать, и вдруг с нечеловеческой силой понеслось русское «ура». Пехотинцы дивизии поднимались, примыкали трехгранные штыки к винтовкам и бежали за советскими танками, добивая отступающего в панике врага.

– Чекмарев? – неподалеку Буторин поднял кулак и стал грозить шоферу полторки, который спешил к дороге со стороны отступающего врага. Пилотки на голове сержанта не было, рукав порван, а в руке он держал немецкий автомат. – Чекмарев, ты чем должен заниматься?

– Да вон она, целая, – оскалившись, ответил коренастый сержант, махнув рукой в сторону своей машины, одиноко торчавшей под расщепленной березой. – Чего ей сделается! А я вот с трофеем.

Шелестов увидел, как один советский танк остановился, из люка стал выбираться танкист в кожаной куртке, а к нему уже спешил полковник из штаба дивизии. Не иначе, отбил немецкую атаку танковый полк из резерва армии. Уж они-то должны знать, где штаб 24-й. Чекмарев подбежал к своей машине, быстро осмотрел ее со всех сторон, потом запрыгнул в кабину и, не закрывая дверь, завел мотор.

– Все в кузов, – приказал Максим, подбегая к машине и запрыгивая в кабину. – Сержант, видишь вон тот танк и полковника рядом? Газуй к ним!

Как и следовало ожидать, штаб армии передислоцировался. Обстановка на фронте менялась чуть ли не ежечасно, и Шелестову предстояло решить непростую задачу: то ли следовать к новому месту расположения штаба армии, то ли попытаться успеть застать связистов ВЧ. И он решил ехать в направлении Алексеевского, где штаб армии дислоцировался совсем недавно на территории центральной усадьбы одноименного совхоза. Пыль над степью стояла столбом и не успевала осесть. То и дело встречались разрозненные части, небольшие колонны беженцев со своим скарбом. Даже небольшое коровье стадо. Дважды дорогу и колонны атакывали «мессершмиты», поливая беженцев и армейские колонны из пулеметов огнем и сбрасывая мелкие бомбы. Чекмарев только зло скалил зубы и вытирал пот на грязном от копоты лице.

– Доберемся до штаба, – Шелестов укоризненно посмотрел на шофера, – умоешься из моей фляжки и зашьешь рукав гимнастерки. Куда ты воевать-то бросился! Твое дело за машиной следить. Пилотку потерял.

– Пилотка у меня запасная под сиденьем есть, – спокойно возразил сержант. – А вы-то, небось, и сами в пекло бросились!

– Ну мы – это мы, – не нашел что возразить Максим, но, увидев колодец на краю сожженной деревни, указал на него рукой. – Давай туда. В канистру воды наберешь.

Колодцы в этой засушливой степи Придонья были редкостью. Поэтому не удивительно, что у колодца уже стоял грузовой автомобиль с группой бойцов. Шофер, отвинтив крышку радиатора, лил туда воду из мятого жестяного ведра. Красноармейцы сидели в кузове, поставив между ног автоматы ППШ, и только повернули головы в сторону приближающейся полторки. От кабины с открытой дверью отделился командир. Бросив окурки папиросы, он расправил новенькую гимнастерку под ремнем и двинулся навстречу оперативникам. Шелестов разглядел на его петлицах капитанскую «шпалу» и эмблему технических подразделений – военный инженер 3-го ранга.

– Смотрю на них – как только с парада едут, – хмыкнул Чекмарев, останавливая свою машину рядом с саперами. – За всю войну не видел у саперов такой чистенькой формы.

Шелестов открыл дверь и поставил ногу на подножку. Но в это время его привлекли звуки моторов. С дороги, поднимая жуткую пыль, свернули несколько мотоциклов и два броневомобиля. Военный инженер остановился, четко отдал Шелестову честь и вернулся к своей машине. Его водитель уже завел мотор. Шелестов смотрел на приближающуюся группу. Он сразу забыл о саперах, увидев броневомобили БА-20. Скорее всего, штабные или разведывательные из штаба армии. Вот кто нам нужен! Чекмарев уже подбежал к колодцу со своей канистрой, опасаясь, что в прибывшей колонне может быть высокое начальство и тогда ему с опера-

тивниками придется стоять в очереди. Да еще его внешний вид после этого боя в степи вызвал бы негодование любого старшего начальника. А подводить Шелестова сержант не хотел. Он хоть и не любил всяких там особистов и НКВД, но эта группа, к которой его прикомандировали два дня назад, показала себя так, что у Чекмарева появилось уважение к майорам. Они оказались нормальными мужиками, храбрыми бойцами и довольно умелыми. Это сержант тоже оценил по достоинству. И главное, они не видели в каждом встречном предателя и шпиона.

Из бронемашины торопливо выбрался старший лейтенант в танкистском шлеме и с мокрыми от пота спиной и подмышками. Оперативники замерли на месте, уставившись на молодого офицера, который направился к ним. Буторин сразу отметил, что мотоциклисты не глушили двигатели, а автоматы держали под рукой. А вот пулеметная башня у одной бронемашины была развернута в сторону колодца, а у второй в сторону дороги. «Непростые ребята», – подумал Виктор и незаметно расстегнул кобуру пистолета.

– Прошу простить за бесцеремонность. – Рука старшего лейтенанта метнулась к головному убору, отдавая честь. – Обстоятельства сложные! Вы майор Шелестов? Это ваша группа?

– Обстоятельства и правда не очень располагают к сантиментам, – прищурился Шелестов, тоже бросив руку к козырьку фуражки. – Но мне кажется, что как младший по званию вы должны представиться первым?

Максиму тоже не очень нравилось, что на него и его товарищей наведен пулемет броневедомобиля. Хотя он отдавал себе отчет, что на месте старшего лейтенанта он действовал бы так же осторожно. Сейчас на передовой и в ближних тылах Красной армии может твориться что угодно. И все же Шелестов не торопился. Помимо обстоятельств есть еще и уставы Красной армии. Старший лейтенант улыбнулся устало, одними губами, и сейчас же мимические морщины проявились темными полосами на запыленном потном лице.

– Старший лейтенант Куликов, – представился он, доставая из нагрудного кармана удостоверение личности и протягивая его Шелестову. – Командир комендантской роты штаба 24-й армии.

– Ну так я слушаю вас, товарищ Куликов, – возвращая офицеру удостоверение, сказал Шелестов.

– Простите, товарищ майор, – снова чуть улыбнулся офицер, – но теперь моя очередь попросить вас предъявить документы. Я тоже должен быть уверен, что разговариваю с тем, кого ищу.

Шелестов рассмеялся, обернувшись к товарищам и с удовлетворением отметив, что Буторин стоит в трех шагах справа и в любой момент может юркнуть за капот полуторки и у него расстегнута кобура. Сосновский сидит в кузове, расслабленно положив левую руку на борт, а его правой руки не видно. Сейчас его рука наверняка держит автомат. И Коган сидит с сонными глазами в кузове, прижавшись спиной к горячей кабине. Его рук не было видно, значит, он тоже держит оружие. Не раз и не два группа попадала в ситуации, когда оценивать обстановку, хвататься за оружие и вступать в скоротечный огневой бой приходилось всего лишь за пару секунд. И всегда выходила победителями. Сейчас группе, почувствовавшей опасность, нужно очень мало времени, чтобы рассредоточиться на местности и открыть ответный огонь на поражение. А может быть, и открыть огонь первыми.

– Еще раз прошу простить, товарищ майор, – удовлетворенно кивнув, Куликов вернул Шелестову документы. – Вас Москва ищет. Вашей группе срочно нужно прибыть в штаб армии к аппарату ВЧ-связи.

– Как вы нас нашли в этой кутерьме? – застегивая карман гимнастерки, удивился Шелестов.

– Служба, товарищ майор. К сожалению, сопроводить вас не могу. Нам нужно выполнить еще один приказ. А вы следуйте в направлении Софьино. Сразу предупредите вас, товарищ

майор, что на перекрестке вы увидите зенитную батарею и вас завернут военные регулировщики. Но вы предъявите документы, и вас пропустят в Софьино.

– Далеко до Софьино? – спросил Шелестов. – Мы без карты остались. Не рассчитывали застрять здесь надолго.

– Около тридцати километров по шоссе, но его бомбят чуть ли не каждый день. Местами приходится объезжать разбитые участки.

Бронемашины и мотоциклисты развернулись, подняв клубы пыли, и унеслись по дороге на юг. Оперативники собрались вокруг командира, но Шелестов только пожал плечами. Он представления не имел, зачем Москва потребовала их на связь. Видимо, Платов просто обеспокоен, что группа застряла под Миллерово, а нужна она сейчас в Москве, или, что вероятнее всего, Особую оперативную группу Главного управления НКВД ждет очередное задание. Шелестов вернулся к машине и увидел, что Чекмарев в одной нательной рубашке сидит на подножке автомобиля и торопливо зашивает рукав гимнастерки.

– Одна минута, товарищ майор, я уже почти закончил, – попросил сержант, но Шелестов махнул рукой.

– Я сяду за руль, а ты на ходу заканчивай свое шитье. Времени нет.

– На ходу? – Чекмарев с недоверием посмотрел на командира.

– Впереди большой кусок асфальтированного шоссе, – пообещал Шелестов. – Сумеешь закончить.

Оперативники тряслись в кузове полуторки, держась за расшатанные борта. Наконец машина выскочила на шоссе, и можно было усесться на пол кузова, на брезент. Буторин смотрел на проходящие мимо армейские колонны, проносившиеся в клубах пыли танковые подразделения. Все двигались на восток.

– Не надо так хмуро смотреть на мир, Витя, – вдруг сказал Сосновский, угадав мысли товарища. – Передислокация войск – еще не есть признак поражения.

– Не путай передислокацию с тотальным отступлением, – проворчал Буторин.

– А если назвать это не тотальным отступлением, а своевременным отводом войск с угрожающих окружением участков? – снова сказал Сосновский.

– Ну знаешь! – возмутился Буторин. – Так можно договориться и до воспоминаний войны 1812 года, целесообразность оставления врагу Москвы.

– Я не хочу говорить об этом! – вдруг разозлился Сосновский. – Не это надо обсуждать, не прошлое, а будущее. Верить надо в победу, каково бы сейчас ни было положение, каким бы оно сейчас сложным ни было. А вот с этим вопросом у нас проблемы. Помнишь, как недавно Максим с этим старшим лейтенантом обменивались с многозначительным видом документами, удостоверяющими личность. И все это под дулами их пулеметов и наших автоматов.

– Ну? – хмуро спросил Буторин.

– Вот тебе и «ну», – передразнил Сосновский и своевременно ухватился за борт кузова, увидев, что впереди разрушена дорога и их полуторке снова придется сворачивать на грунтовку. – Мы уже в своем тылу никому не верим, всюду и во всем видим следы врага, его диверсантов. А это ведь наша земля, наши люди, наш тыл.

– А что, ты думаешь, что напрасно? Это бдительность называется, Миша. И диверсанты есть.

– Да я не об этом! – раздраженно поморщился Сосновский. – И бдительность должна быть, и внимание должно быть. Только вот есть такие признаки... Как бы тебе это сказать. Я тут вспомнил, как все мы сидели в подвалах НКВД, все четверо, и все четверо уже думали, что жить нам осталось до смертного приговора считанные дни.

– Нашел что вспоминать, – проворчал Коган, который, оказывается, прислушивался к разговору товарищей.

– Не это главное, я вспомнил слова Лаврентия Павловича, которые он сказал как-то одному следователю в моем присутствии. Он сказал, что у недоверия есть здоровые, почти физиологические границы. Наступает грань, когда недоверие к людям приобретает гипертрофированные формы. И это уже первый признак паники. Вот мне и не хочется сейчас увидеть эти признаки, признаки паники. А ведь мы отступаем, а позади уже Волга, позади Сталинград.

– Да нет никакой паники, что вы завелись, – снова проворчал Коган, усаживаясь удобнее. – На войне всегда бывают успешные операции и неуспешные, бывает наступление и отступление. Это что, по-вашему, говорит о том, что мы не сможем победить? Это значит всего лишь, что враг очень силен и сражаться с ним трудно, но шею мы ему свернем все равно. Сталинград, говоришь? Ну вот под Сталинградом, например, и свернем. Помяни мое слово!

Машина скакала как сумасшедшая на неровностях грунтовки. Мимо проходили люди с поклажей, с тележками, проезжали подводы. Население уходило в тыл от надвигавшегося фронта. Шелестов, сидевший за рулем, вдруг свернул в поле, увидев впереди затор из телег. Полевая дорога вилась среди сожженной пшеницы, почерневшие поля раскинулись вокруг. Неожиданно машина остановилась. Шелестов вышел из кабины, уступая руль Чекмареву, который зашил-таки свою гимнастерку.

– Смотрите, ребята, – указал Максим на поваленные телеграфные столбы и скрутившиеся оборванные провода.

– Не рановато ли? – прокомментировал картину Коган. – Вот вам к разговору о панике. Фронт сюда еще, может, несколько дней не подойдет, а они уже связь рвут.

– Вопрос, кто это «они», – неожиданно сказал Шелестов и пошел к лежащим на черной земле столбам.

Оперативники, спрыгнув с кузова, догнали командира и остановились у крайнего столба. Хорошо было видно расщепленное основание дубового «пасынка». От древесины пахло кислым – сгоревшей взрывчаткой. Взрывали не вчера и не два дня назад. Эти столбы взорвали совсем недавно, может быть, час назад. То, что на эти звуки никто не обратил особого внимания, вполне объяснимо. В воздухе то и дело появляются вражеские самолеты, где-то постоянно слышны звуки бомбежки. Возможно, что саперы тоже взрывают что-то, что нельзя вывезти. Оборудование предприятий, какие-то склады. Но связь! Связь нужна до последнего. Буторин указал в сторону лесополосы, где старик с седой окладистой бородой чинил колесо старенькой телеги. Оперативники пошли к нему и, увидев, что старик один пытается насадить снятое колесо на ось, помогли ему, приподняв телегу.

– От спасибо, сынки, – улыбнулся старик беззубым ртом. – Один бы я проваландался тут до темноты. Не та уже силенка в теле, руки уж не слушаются.

– Куда ж тебя понесло, старче, если руки уж не слушаются? – улыбнулся Сосновский, вытирая травой руки, которые он испачкал дегтем.

– Так хозяйство надо схоронить. А как немец сюда доберется! Вишь, силен он оказался, не так просто Красной армии с ним совладать. Небось, всю Европу под себя подмял германец. Понимать надо, что армия у него сильная.

– Ничего, отец. – Шелестов достал из кармана пачку «Казбека» и угостил старика папиросой. – Ты, главное, не сомневайся! Если и придет враг, так ненадолго. Выбьем его назад, не ходить ему по нашей земле.

– Так я и не сомневаюсь, – рассмеялся старик, выпуская струю дыма после затяжки и качая головой. – А табачок у вас, товарищи командиры, слабоват... Не ходить, говорите, ему по нашей земле? Знамо дело, что не ходить. Это же Дон! Испокон веков тут казачество границы земли русской охраняло от врага. И нынче охраним! А кто пришел, тут навеки и останется на назидание детям своим.

– Отец, а ты давно тут с телегой возишься? – спросил Буторин. – Видел, кто столбы-то повалил?

– А как же, конечно видел, – кивнул тот. – Наши солдатики и повалили. Видать, чтобы германцу не оставлять.

– Что за солдатики? – поспешил уточнить Шелестов. – На чем приехали, сколько их было?

– Так на машине, – уверенно сказал старик. – Приехали, остановились, значит, командир что-то скомандовал, они из кузова попрыгали наземь и помчались по два человека к столбу. Ловко у них получилось. Видать, свое дело хорошо знают. Подорвали несколько столбов – вот здесь, снова в машину попрыгали и уехали вон туды, вдоль леса.

– Так сколько их было в машине?

– Десятка два, кажись, – поразмыслив, ответил старик. – Потому как не все спускались, половина в кузове так и сидела.

– Опять ЗИСок, – пробормотал Коган и пошел разглядывать следы от колес. – Трехтонник, ЗИС–5. Как и у колодца.

Шелестов уже и сам понял, что это были те самые «красноармейцы» во главе с военным инженером 3-го ранга, который хотел подойти к ним, но, увидев бронемашину, поспешил уехать. Он только покачал головой и сказал:

– Ребята, а мы ведь чудом не нарвались на неприятности. Сразу четыре майора в одной машине – это лакомый кусочек.

– Ну тогда нам за ними, – поправив ремень автомата на плече, заявил Буторин. – Надо эти неприятности догонять, а то ведь они могут еще кое-что похуже натворить. Между прочим, и они направляются в сторону временной дислокации штаба 24-й армии.

Глава 2

Донские степи, выжженные дотла, заставляли сжиматься сердце. Война еще не дошла до этих мест, но ее огонь опалил землю, сжег урожаи, разворотил дороги. Горели не только спелые хлеба, горели села, железнодорожные станции. Обескровленные в боях части Красной армии отступали, цепляясь, за каждый метр донской земли, лишь бы замедлить продвижение врага, лишь бы дать командованию лишний день для того, чтобы собрать резервы, подготовить оборонительные позиции. Серое от дыма и пыли небо у горизонта сливалось с плоской как стол землей, где единственными ориентирами были ковыльные холмы да редкие балки, поросшие чахлым кустарником. В этой безбрежной опаленной степи ползли уставшие военные колонны, редкие обозы местного населения, спасающегося от приближающегося фронта. Разбитые бомбежкой дороги пустыли, и колонны искали объездной путь, пыля по проселкам, объезжая овраги.

Полуторка оперативной группы неслась, подсакивая на кочках, объезжая редкие байрачные леса и промоины. Чекмарев, вцепившись руками в рулевое колесо, хмуро смотрел вперед на ужасную дорогу и думал о том, как ему отвечать перед начальством за угробленную машину, доверенную командованием. И зампотех не станет слушать доводов, что, мол, война, что Чекмарев был прикомандирован к группе со специальным заданием Москвы. Ты отвечаешь за машину и только ты. По уставу ты и только ты отвечаешь за сохранность матчасти. Держись, сержант! Три дня они металась по степным проселкам, опрашивая отступающих одиночек, людей из разбитых обозов. Карта была испещрена крестами и вопросительными знаками. Отступление – это не строевой марш, это медленное, мучительное растворение армии в пространстве. И они ловили след штаба армии порой просто по обрывкам разговоров, по направлению движения санитарных повозок, по трупам изуродованной огнем брошенной техники. И тут Буторин сзади из кузова стал стучать кулаком по крыше кабины, выкрикивая какие-то слова. Шелестов сразу же приказал сержанту остановиться и высунул голову из кабины.

– Что случилось?

– Послушай! – нагнувшись к командиру из кузова, отозвался Виктор. – Слышишь, где-то неподалеку бой идет.

Это был стрелковый бой, и шел он где-то рядом. Там не били пулеметы, не стреляли орудия – просто была перестрелка. Стреляли автоматы, судя по звуку, лишь советские ППШ, и раздавались винтовочные выстрелы. Что это могло означать в тылу наших войск? Лишь столкновение какого-то советского подразделения с разведывательно-диверсионной группой врага. Шелестов стоял, прислушиваясь, поставив одну ногу на подножку машины. Он пытался определить направление боя. Звуки стрельбы, судя по всему, доносились с северо-востока. И тут раздались несколько взрывов, как будто заключительные аккорды боя, потому что после этого стрельба практически прекратилась.

– Оружие наготове! Гони, Чекмарев! – скомандовал Максим, и его голос, обычно ровный и холодный, дрогнул от напряжения. – Двигай вон туда, по грунтовке мимо балки!

Полуторка рванула с места, ее колеса разбрасывали мелкие камни и поднимали клубы пыли. Машина летела, подпрыгивая на ухабах. Шелестов положил на колени автомат и пытался левой рукой придерживаться, чтобы не слететь с сиденья на кочках. Он знал, что оперативники в кузове ведут наблюдение за местностью и успевают крутить головой на все 360 градусов. Они там готовы к бою, главное ему самому не проворонить опасность, которая может встретиться каждую секунду. Максим уже не сомневался в том, что красноармейцы в кузове того ЗИСа у колодца были диверсантами. И стрельба впереди ни о чем хорошем не говорила. А если еще учесть, что в том же направлении временно находится и штаб армии, то мысли в его голове были самыми мрачными.

Машина выскочила из перелеска на открытое пространство, где пересекались две грунтовые дороги, на время ставшие главными транспортными магистралями в этой местности, и Чекмарев сразу же нажал на педаль тормоза. Машина со скрипом остановилась, окутавшись клубами пыли, а Шелестов уже выскочил из кабины и бросился к кустарнику. Покосившаяся табличка на врытом в землю столбе указывала налево, и на ней красовалась запыленная надпись: «Сталинград».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.